

Всемирная антология памяти Александра Невского

«Александр Невский - светоч земли русской»

Санкт-Петербург, Скифия, 2021 год, стр. 73-92

Леонид Корниенко

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ. МОМЕНТ ИСТИНЫ.

1.

Сентябрьский ветер упругими порывами гнул жухлую степную траву, ерошил в низинах кроны редких деревьев и мчался дальше. Достигнув береговых круч, кругами разглаживал и морщирил до самой середины темную воду реки Волги, в Сарай-Берке звавшейся Итиль.

К берегу реки были причалены три струга. Один был с навесом, так называемым «чердаком». Кроме кормников и осначей на стругах находились княжеские дружинники-гридни в доспехах и при оружии, а на берегу толпились ратники из владимирских ремесленников, одетые поверх свиток в куяки и вооруженные рогатинами.

Время от времени на береговую кручу взбирался воевода, путаясь в полах богато расшитого корзно. Под ним виднелись длинная кольчуга, латные наручи и поножи. Шлем с бармицей висели на верёвке- гашнике, прикрепленном к боевому поясу. Слезая глазами от ветра, воевода прикладывал к невысокой шапке ладонь козырьком, пристально вглядывался в степь. Ничего не увидев, спускался вниз, начинал ходить взад и вперед возле струга с «чердаком». Наконец, велел молодому ратнику взять овчинную шубу со струга, накинуть поверх куяка и идти на верх береговой кручи.

- И не спускайся, пока не углядишь... - крикнул воевода ему вслед, не закончив фразы.

Всем на стругах и на берегу и так было ясно, что нужно было углядеть.

Не успел воевода испить медовухи, чтобы подкрепить силы, как молодой ратник, теряя шубу с плеч и оглашая воплями округу, скатился вниз.

-Чё орешь? Едут штоль?

- Едут! Едут! И два воза!

- Два? А третий где?

- Не увидал!

- Тетеря слепая!.. Эй, ратники! Наверх! Обозу навстречу! Жива-а! На стругах! Готовь к отплытию!

Все рванули исполнять наказ воеводы с единой мыслью. Наконец-то великий князь Александр Невский воротился из Сарай-Берке в родимые края.

2.

Обоз двигался медленно, чтобы излишне не тревожить заболевшего князя Александра.

В Сарай-Берке князь Александр Невский прибыл со своей свитой еще в начале прошлой зимы. В конце лета великий князь почувствовал, что прежние боли в правом боку стали усиливаться. Признался об этом хану Берке. Тот сразу встревожился.

Хан Берке уже много месяцев не отпускал домой на Русь великого князя Александра Храброго. За победу над шведами на реке Неве его еще величали Невским. Хану Берке великий князь напоминал деда, Чингиз-хана. Тот в битвах всегда придерживался такого же правила: «Возможность победы только в атаке». Привык хан Берке к князю Александру. Князь-инородец всегда мог дать нужные советы. Особенно сейчас, в войне с двоюродным братом ханом Хулагу.

Князь Александр рассказал, что битвы зимой лучше вести у рек или озер. Его отец, Ярослав Всеволодович, в битве на реке Омовжа, потом он сам на Чудском озере, загнали на тонкий лёд рыцарей и те провалились. Воины хана Берке так же сделали. Отступающих Хулагуидов загнали на лед реки Терек, те провалились. Рубить врагам головы не пришлось, река за них все сама сделала. Только вот воинов с обеих сторон в той битве все равно много погибло. Князь Александр головой покивал, мол, на Руси другие князья такие же усобицы чинят, людей много гибнет в них. На эти слова князя Александра летописец записал ответные слова хана Берке: «Да посрамит Аллах Хулагу этого, погубившего монголов мечами монголов. Если бы мы действовали сообща, то мы покорили бы всю землю»

Война между двоюродными братьями не прекратилась, нужны были свежие воинские силы. На требование хана Берке выделить русские дружины на войну с Хулагу-ханом, князь Александр долго отмалчивался, говорил, что надо подумать, как это сделать. Дождался весны, когда прибыли с Руси возы с данью. Вместе с ханом Берке пошел осматривать обозы. А потом как бы невзначай обронил: «Невелика дань! А вот если бы князья русские сами собирали, больше бы собрали. Кто лучше свои угодыя знает? Хозяин или твой баскаки?»

Удивился хан Берке речам князя. Скоро выяснилось, что количество дани не окупило и половины нужных затрат. Крепко задумался хан Берке. А князь Александр новые речи повел. Мол, заберешь у князей воинов на свои потребности, их потребности без защиты оставишь. Много ли смогут дани собрать в таком случае они тебе без дружин своих? Умные, но хитрые речи у князя Александра Храброго! В его сторону больше клонят.

Вода камень точит, слово мысли меняет. И когда великий князь Александр поведал о своей хвори, хан Берке растревожился и решил, князя Александра надо отпустить домой. Он единственный, кто сможет обеспечить ему, хану Берке, приток постоянной дани. Он хорошо помнил, как шесть лет назад жители Новгорода отказали ханским численникам в переписи населения и дань платить. Князь Александр зачинщиков смуты наказал. Даже сына своего Василия княжения лишил. А русичи такие воины, что за чужое живота не положат, а наоборот, мечи могут вспять направить. Вон какие дружинники-гридни во главе с сотником за спиной у князя Александра стражей стоят. Нет, нет, пусть отправляется к себе во Владимир. Там князь Александр будет ему, хану Берке, нужней.

Почти год назад обоз князя имел три больших воза. Один был полон подарков хану Берке, два других были нагружены провиантом и хозяйственными принадлежностями. Хан Берке подарки принял, но потребовал с ними и воз. Отпуская князя Александра на Русь, хан Берке воз не вернул. Тот приглянулся одной из жен хана, потом глаз на него положила гостья жены из Каракорума. Так и пропал.

Обратная дорога на Русь великого князя Александра началась в конце сентября, когда степная трава потеряла свою сочность. Ехать от Сарай-Берке до Волги, где обоз уже ждали струги, можно было за два дня.

Но уже через два часа пути великий князь Александр почувствовал себя так плохо, что вынужден был остановить обоз. Князя сняли с коня и перенесли в один из возов. Большую часть груза из него перенесли в другой, остальное дружинники-гридни разместили на крупах своих лошадей. Князя уложили на дно воза на шкуры, укрыли шубами. Ход обоза замедлился, и послали гонца с вестью, что князь болен и прибудет к стругам позднее, чем было намечено.

3.

Ратников, что бежали навстречу обозу, ехавший впереди сотник заметил издали и сразу поднял руку. Такой знак обычно обозначал тревогу. Дружинники-гридни схватились за мечи. Обоз остановился. Что к чему, разобрались быстро. Несколько дружинников-гридней спешилось, пошли навстречу ратникам

Великий князь Александр открыл на шум глаза и вопросительно взглянул на сидевшего в ногах на краю воза отрока. Тот спешно пояснил:

- Река близко. Со стругов ратники бегут к нам.

Князь Александр едва заметно кивнул и с облегчением вздохнул. По воде на стругах не будет так трясти. Боль поутихнет. И мысли уйдут от нее. И вернутся, наконец, в прежнее русло.

Подбежавшие ратники не подали виду, когда увидели великого князя лежащим под шубами на возу. Дело князево, как ехать до струг. Но тревога усилилась, когда им шепнули, что князь занемог еще в Сарай-Берке.

- Отравили, как и Ярослава Всеволодовича? – вполголоса спросил старый ратник у сотника, с которым когда-то ходил на литовцев и шведов ещё при Ярославе Всеволодовиче, отце великого князя.

– Нет. Занемог, как 12 лет назад. Помнишь? – сотник снял шлем и вытер тряпицей потный лоб. – Александра Брючиславна, жена князя, тогда в лесу ведунью-травницу нашла, в посад привела. Та травами и заговорами выходила нашего князя. А тут...тьфу! Еда проклятуца! Как его...кумыс! Мясо вяленое! Молоко кобылье...Бр-р-р! Без каши, без хлеба... Вот недуг и возвернулся.

4.

На самом большом струге поместили, лошадей, возы и дружинников-гридней вместе с сотником. Самого князя Александра перенесли на струг с «чердаком». Третий струг, самый быстрый, с ратниками, поплыл сначала позади. Потом в опасных местах близ берега, с кручами, по команде воеводы с княжеского струга, заплывал вперед, прикрывая бортами плывущий позади караван. Степь таила опасность. Ненароком на обрывистом берегу появятся всадники, осыпят стрелами, а то глядишь, вплавь рванут на лошадях к стругам за добычей.

Зорко следя за передвижением охранного струга, воевода то и дело оглядывался на лежавшего великого князя. Тот уже который час после отплытия лежал с закрытыми глазами. Воевода наконец решился, осторожно подошел ближе и взгляделся в похудевшее бледное лицо князя Александра. Потом поманил к себе отрока, сидевшего в его ногах.

- Дышит хоть князюшка? Не разгляжу никак.

- Дышит, дышит, - степенно ответил отрок, польщенный вниманием воеводы.

- Смотри мне! Шоб углядел враз, чего князю надобно будет, - и уже шепотом самому себе пробормотал – Ох ты, господи! Помоги довести князя нашего Александра Храброго живым и здоровым! Пусть сейчас нездоров! Да родные места вмиг на ноги поднимут!

Уже собрался было перекреститься и отойти, как вдруг князь открыл глаза. Посмотрел на небо, потом перевел взгляд на воеводу. Тот, немея душой, что потревожил князя, по бабьи сжал свои ручищи на груди. Улыбка тронула уголки запекшегося рта князя. Он поманил воеводу к себе. Стараясь не стучать сапожищами о палубу, тот приблизился и наклонился к лицу князя.

Насмешливая улыбка князя вдруг поменялась на жалобную и виноватую.

- Воевода!.. Кашки хочется...- и со всхлипом втянул в себя через губу воздух.

Воевода задрожал бородой и, давясь слезой в горле, бешено закивал головой:

- Сейчас, князюшка! Сейчас, родимый! Сейчас сварим! Мигом сварим...

На стругах очень редко варили горячую пищу. Старались это делать на берегу, дабы при ветре не подвергнуть огню деревянный корабль. Но сейчас...

Воевода, свирепо вращая мокрые от слез глаза, почти без слов, жестами, тычками и подзатыльниками организовал на открытом небу носу струга маленький очаг. Кормникам и осначам на стругах не позволялось покидать судно. Потому у них всегда в укромных местах были припасены плоские, удобные камни, чтобы сделать походный очаг, и железные треноги. Вода, зачерпнутая из-за борта, скоро закипела в небольшом котле. Отрок сыпанул туда просяной крупы. Орудя длинной деревянной ложкой, умело приготовил жидкую, по велению воеводы, кашу.

- Внутри у князя чрево болит от басурманской еды. Гуца не пойдет. Пожиже вари, слышь? А то башку отделию от плеч!

Угроза была сказана по привычке. Отрок и сам хорошо знал, что и где болит у князя. Сняв с огня котел, отрок заправил кашу конопляным маслом, насыпал полную глиняную миску и протянул воеводе. Тот с готовой для трапезы деревянной ложкой в правой руке, бережно принял миску в левую руку и мелкими шажками понес свое огромное тело к князю.

Слезинка скатилась по щеке князя и спряталась в бороде. Молча заплакал и воевода. Но собрался с духом, ложку с кашей нес ко рту князя без дрожи, аккуратно убирал черенком ложки просыпанные крошки с бороды князя, как дитяти.

Дружинники-гридни стояли в стороне, кто склонился, кто отвернулся, кто прикрыл глаза ладонями, и плакали беззвучно, как и воевода.

5.

После каши князю Александру стало лучше. Мысли оторвались от притихшей боли в боку и совершили привычный ход от воспоминаний до раздумий о влиянии произошедших событий на главное дело его жизни – княжение.

Плеск воды за бортом навеял воспоминания об отце. Они со старшим батом Федором мальцами всегда рыбалили с отцом на Плещеевом озере после его приездов из походов. Теперь только Александр понимал, что тихая рыбалка в окружении сыновей была нужна отцу для раздумий. И постриг сыновей и посадение их на коней случились тоже после таких раздумий. Александру тогда было четыре года. В памяти хорошо сохранилась картинка его посадки на коня. Сильные руки отца, забросили его в боевое седло. Сел он в него раскорякой, не доставая даже путлищей, не то, что стремян. Боясь кувыркнуть, мальчишка обеими руками судорожно держался за рожок передней луки седла. А через год он и его брат уже лихо сидели в подделанных под их рост седлах, крепко упираясь в стремяна на укороченных путлищах.

Князь Александр мысленно улыбнулся. Перед глазами всплыло лицо отца. Большие бездонные, как омут, глаза, одинаково смотрящие как в гнев, так и в радости. Борода скрывала ему почти все лицо. С сыновьями, а их после Александра и Федора родилось еще семеро, отец держал себя ровно, не потакая слабостям и без излишней суровости. Но после пострижения и посадки на коня сразу привлекал к обучению премудростям княжеского правления. При этом уже в малом возрасте оставлял сыновей княжить с опекунами в городах ему подвластных.

Его, Александра, наиболее хваткого и вдумчивого, в 14 лет князь-отец взял в поход на владения Ливонского ордена. Когда войско подошло к городу Дерпт, отец не стал осаждать город, стал лагерем рядом. Рыцари от такой нерешительности русичей осмелели и сделали вылазку. Но засадные полки быстро их окружили и разгромили. Те, кто не убежал назад в крепость, а рванул в глубь владений ордена, были загнаны теми же полками на лед речки Омовжа, провалились и утонули.

Князь улыбнулся уголками губ. Уроки отца не прошли даром. Нечто подобное они с братом Андреем Ярославичем совершили на Чудском озере. После кровавой сечи с рыцарской «свиньей» у Вороньего камня пеших кнехтов и спешенных рыцарей погнали в сторону Суболического берега семь верст по льду. Тот, истонченный начавшимся теплом, треснул и принял в свинцовые воды всех беглецов.

6.

Мысли о детских и юношеских годах вдруг прервал хлопок паруса на мачте. Струги, огибая утес, вышли на встречный порыв ветра. Отрок, дремавший у князя в ногах, подхватился и прыгнул всем телом к нему – всё ли с князем хорошо?

Князь Александр, не поднимая руки, движением кисти левой руки остановил отрока. И оцепенел, увидев широко открытые глаза мальчишки.

Это были глаза его брата Федора! Он почил в бозе без малого 30 лет назад! Вот так же он смотрел ему, Александру, в глаза, когда два брата уединились в горнице перед свадьбой Федора. Смущаясь, Александр спросил: «Люба невеста тебе?». Федор не ответил, только

лицом и глазами потемнел, а потом обронил: «Божьей невестой она будет...» и отвернулся.

Холодок пробежал по спине князя, колкой болью отозвался в нездоровом боку.

- Как тебя величают отрок, напомни, - хриплым голосом произнес князь.

Отрок, перепуганный таким вниманием князя, сам захрип и с трудом ответил:

- Пф..!Бобр, великий княже!

Князю Александру послышалось «Фёдр», и на глаза ему набежала слеза.

Вот и знак пришёл! Недолго, значит, осталось ему жить. Брат Федор через облик отрока явился к нему.

Не замечая слез на глазах и у отрока, князь поднял лицо к небу. Перед глазами возник лик невесты Федора во время похорон последнего.

Бледная и строгая Феодулия, не отрываясь, смотрела на спокойное лицо несостоявшегося мужа. После похорон она сразу, не возвращаясь домой в Чернигов, ушла в Ризоположенский монастырь возле Суздаля. Слава о ней пошла после того, как сгинул у хана Батгя ее отец, князь Михаил Всеволодович. Всегда одетая в рубище, теперь уже преподобная Ефросиния, она совершила много исцелений и сделала много предсказаний. Ушла она из жизни 13 лет назад. Через год князь сам разболелся. Спасла его по словам жены, Александры Брючеславны, ведунья-травница. Нет, скорее всего молитвами преподобной Ефросиньи на небесах он и выздоровел.

Мысли его прервали громкие всхлипывания. Это плакал отрок, склонившись над его правой рукой. Князь Александр, светлея глазами, положил ее на голову отрока, словно благословляя. Такое случилось впервые в жизни князя. Эта рука всегда крепко держала узду коня, умело рукоять меча, цепко древко копья, вольно чашу с медом... А теперь этот смиренный жест словно предсказывал новый путь князя.

Видевшие это воевода и ещё три дружинника- гридня, сами того не осознавая, почему так поступают, опустили на колени и осенили себя широким православным крестом.

7.

Путь по реке Волге до Владимира шёл через Нижний Новгород. Стругам плыть до него было больше месяца.

Через пару недель князю Александру стало лучше. Нетвердо ступая и опираясь на плечо воеводы или отрока, стал ходить на нос струга. Подолгу смотрел на воду, на проплывавшие мимо берега.

Князя Александра старались не тревожить в такие часы. Каждый занимался своим делом, изредка поглядывая на покрытую собольей шубой спину обожаемого великого князя.

Ещё неделю спустя князь Александр даже стал сходить на берег во время ночёвок. Садился у костра, с удовольствием ел уху из наловленной отроком рыбы. Но спать на берегу не оставался. Ночевал на струге.

До Нижнего Новгорода оставалось ещё немногим более двух недель пути. Оттуда струги должны были свернуть на реку Ока.

В одно хмурое студеное октябрьское утро князь Александр проснулся раньше обычного. Привычно пощупал правый бок. Болей не было, но ощущение нездоровья в этом месте почему-то усилилось.

Князь Александр вздохнул. Чем ближе к дому, тем становилось тревожней. Что там свершают или уже свершили завистники и смутьяны? Скольких ему уже пришлось осадить, чтобы лиха на Русь не принесли. Скольких ещё придется по приезду надоумить...

Князь Александр окликнул отрока Бобра. Тот будто и не спал, возник перед глазами, умело подставил плечо. Опираясь на него, князь Александр поднялся.

Во время плаваний на стругах обычно спали одетыми. Раз в неделю после причаливания грели воду, стирали и меняли портки, обмывались речной водой.

- Воды нагрей, Бобр. На ходу омоюсь. Не хочу ждать вечера.

- Да, княже! Сейчас велишь греть?

- Да, - князь Александр кашлянул и поморщился. – Веди на нос. Там обожду.

Кутаясь в шубу, князь Александр присел на лавку с гнутой спинкой. Её сделали два владимирских ратника из бондарей. Мол, нечего князюшке ноги томить. А то вдруг от стояния хворь возвратится!

Солнце поднималось справа из-за татарских степей. Лютых, но его стараниями, теперь не так опасных.

Стайка воробьев села на борт струга недалеко от князя. Прыгая взад и вперед, перелетая друг через друга, воробьи оглушительно чирикали. Особенно выделялись два самых крупных и драчливых воробья. Глядя на них исподлобья, князь Александр вслух с горечью сказал:

- Како князья нерадивые на землях русских! Одно на уме, где отхватить кусок поболее и полакомее. Да задираться с теми, кто имеет достаток и слаб силой.

И махнул рукой на стайку воробьев. Первыми улетели воробьи-драчуны.

Отрок, ладя очаг, насторожился. Но любимый князь умолк, хмуря брови. И отрок натянул шапку на уши. Князь умеет с воробьями говорить. Бог знает, что там за речами князюшки кроется. Лучше не слышать.

А князя Александра одолели тяжелые думы о жене и сыновьях.

Жена-ладушка осталась с Даниилом, когда он отправился в Сарай-Берке. Сейчас сыну уже два года. Сколько лет его Александра Брючславна была и остается верным хранителем их семейного очага. Да и как иначе!

Только семья, только то место, где род семьи зачался, даёт силу духа потомкам. Как важно сохранять и приумножать силу этого духа! А если не получается?

Вот Василий, старший сын, был надеждой на уразумение отцовских дел. После пострига и посажения на коня, Василий до 8 лет оставался один с матерью и няньками. Это его, князя, вина! Упустил по молодости, позабыл в заботах, как боярин Фёдор Данилович их с Фёдором наставлял. Наставника из воевод не приставил, когда уходил в походы. Вырос Василий боязливым, податливым к лести. Решил тогда Александр остепенить сына. Для этого невесту надобно сыскать Василию, пусть хоть и 11 лет ему ещё. Лучше всего подошла бы Христина, дочь норвежского короля Хакона. Старше немного Василия, но, если породниться, шведам острастка была бы хорошая с тыла. Послов послал в град

Дронтгейм, король согласие дал, да приболел в то время Александр, и сватовство не вышло.

Правда, Василий через два года с новгородцами лихо разбил литовцев близ Торопца. В нем, 24 года назад, он и Александра Брячиславна, после венчания, получили от Ярослава Всеволодовича, его отца, в дар икону Феодоровской Божией Матери. Дабы усилить брачные узы молодых, тот велел на обороте написать образ великомученицы Параскевы, покровительницы невест и свадеб.

Но в княжении Василий все равно оказался слаб. Когда из Орды послали в Новгород баскаков дань новую собирать, новгородцы на вече постановили собрать войско, чтобы баскаков живота лишить. Лестью и посулами Василия уговорили войско возглавить. А когда Василий прознал, что с ордынцами и отец идет в Новгород, струсил, сбежал в Псков. Александр тех, кто сына на зло повёл, приказал одним носы отрезать, чтобы больше в дела князьки не совались, а другим велел глаза выколоть за лихие речи и подлости. Сына Василия выгнал в Суздальские земли без угодий. Передали потом, что начал бражничать без меры.

Темнея лицом от таких воспоминаний, великий князь прижал левую руку к правому боку и встал.

А что другие сыновья, Дмитрий о тринадцати годков и Андрей о восьми? Всё ссорятся, как эти два глупых воробья. Какие из них великие князья получатся? Бог ведает! Одна надежда на младшего Даниила. Ему сейчас только два года. А его, князя, смерть близка! Сделать постриг и посадение на коня сына Даниила не успеет. Значит жене, княгине Александре Брячиславне, сделать это придется...

От ударившей внезапно в бок боли князь Александр осел на правое колено, а потом повалился на палубу. Крик отрока, отчаянный зов воеводы, тревожный шум голосов дружинников-гридней и ратников на стругах великий князь уже не слышал, скользая сознанием во тьму беспамятства.

8.

На стругах, которые теперь двигались по речной глади без остановок даже на ночлег, царило тревожное ожидание. Великий князь был жив, но в беспамятстве. Обозный протоиерей упрямо, до хрипа и кашля, на коленях, беспрестанно читал над князем молитвы, свято веря, что Господь услышит и вернёт князю Александру сознание и даст выздоровление.

Сознание вернулось к великому князю на третий день. Первое, что он услышал, придя в себя, был не голос протоиерея, а плеск воды за бортом и гомон птиц. Струги шли близко к берегу, заросшему лесом. Особенно выделялся знакомый с детства крик поползня: «Пить-пить-пить!». Князь мысленно улыбнулся. Много-много лет назад, уставшие от волнений во время пострига и посажения на коня, а потом от долгой церковной службы, мальчишки Александр и Фёдор еле стояли на ногах. Наставник их, боярин Фёдор Данилович, понятиливо покосился на них, приказал идти к князьему терему и там обождать, пока он к князю сходит за поручением. Мальчишки прошли мимо коновязи, но до крыльца не дошли. Повалились у стены терема, пачкая землей шелковые порты и полы расшитых суконных распашных свит, перепоясанных кожаными ремнями. Пичуга малая вспорхнула над их головами, уселась на бревенчатую стену вниз головой, чуть сбежала вниз и пискнула:

- Пить! Пить! Пить!

Мальчишки подняли лица вверх, узрели поползля, взглянули друг на друга и, не сговариваясь, поползли на коленках к корыту с водой для коней. Свеженалитая, с травинками, пахнущая конским потом, она, умирающим от жажды братья, показалась слаще бортного мёда.

Князь Александр разлепил спекшиеся губы и тихо произнес:

- Пить! Пить! Пить!

Молитва оборвалась. Протоиерей подхватил рясу, и, как телёнок, лягнув себя ногами под зад, вскочил и замахал руками.

– Князюшка очи открыл! Отрок! Воды, воды неси!

Радостный рокот голосов прокатился над стругами.

Князя напоили, поправили шубы, на которых он лежал. Воевода склонился над ним, спросил, запинаясь:

- Может кашки, князь, тебе истомить?

Улыбка тронула уголки губ великого князя. Он покачал головой и почти шёпотом вымолвил:

- Вели икону мою принести.

Великий князь после женитьбы икону Феодоровской Божьей Матери возил с собой повсюду, молился ей перед сном, перед трудными делами, испрашивая совета и помощи.

Вот и сейчас, тихо сетуя, что не может подняться на ноги перед иконой, велел протоиерею встать с ней в руках на колени, а сам избочась с помощью воеводы, начал вслух молиться, с трудом осеняя себя крестом. Протоиерей беззвучно шевелил губами, поддерживая великого князя в его молитве. Молитва длилась долго. На всех трех стругах, обнажив головы, дружинники-гридни и ратники стояли, кроме кормников и осначей.

После молитвы великий князь долго молчал. Потом подозвал воеводу.

- В Нижний Новгород не заплывай. Держи путь мимо, в Городец.

- Почему, князь?

- Не доплыву до Владимира, воевода. Помру. Близ Городца деревянная часовня есть. Там эту икону дядя мой, Юрий Всеволодович, обрёл. Отец мой от него икону получил. Ею он нас с моей женой благословил. В этой часовне, по Византийскому обычаю, мне следует принять постриг. Мой ратный путь на земле закончен. Теперь перед Богом принимаю схиму.

Воевода перекрестился, отступил назад и громко, чтобы все слышали, сказал:

– Великий князь Александр Невский, был защитником нашим в мирской жизни. Быть теперь ему нашим защитником на небесах.

Стылая серая вода вокруг стругов стала вдруг светлеть. Воевода и все окружавшие его подняли головы. Это солнце выглянуло из-за туч и залило землю столбами яркого света.

9.

- Ну и где эта часовня?

- Недалече, княже. Вон за той рощей.

- Давай, трогай. Чего замер? Гони.

Тот, которому был дан наказ, помчался первым. Второй всадник, в княжеской одежде, поскакал за ним. Трое дружинников - следом.

Роща была в полном весеннем просыпании. На все лады распевали птицы. Берёзы светились молодой зеленью. Низкая трава ещё не могла скрыть тропу, по которой летели всадники.

Роща расступилась неожиданно. Посередине большой поляны на пригорке стояла ветхая деревянная часовня. Вход ее смотрел на реку, видневшуюся за склоном. Князь, а это был младший брат Александра Невского, Василий Ярославич выехал вперед, слез с коня. Возле входа в часовню он перекрестился и тихонько отворил дверь. В полумраке после солнца трудно было что-либо хорошо разглядеть. Видна была только посередине широкая лавка, освещенная лучом света из верхнего окошка маленького купола. Князь постоял, привыкая глазами к полумраку, потом подошёл к лавке и огляделся. Где же она? И увидел то, что искал.

Под самый потолок высились два столба. Посередине на двух деревянных перемычках была закреплена икона Феодоровской Божьей Матери. Князь Василий Ярославич приблизился к ней, перекрестился и двинулся было вокруг столбов и... прянул назад от шороха, раздавшегося в самом темном углу часовни.

- Что, князь, вторую икону хочешь увидеть? На месте она, – из темноты вышел старец, опираясь на посох. Белый волос, такая же борода, белое одеяние и большой нательный крест говорили, что это был монах, приставленный к часовне.

Князь Василий Ярославич, унимая дрожь в коленях, под суровым взглядом старца поклонился ему, потом иконе.

- За иконой пришёл?

- Пришёл...

- Преподобный Александр Невский облекся в схиму на этой лавке под именем Алексий. Упокоился он в Городец, в посаде, у наместника. Икону оставили в часовне, меня приставили к ней.

- Я знаю, старче.

- Куда повезёшь икону?

- В Кострому.

Старец кивнул, поднял руку, перекрестил князя Василия Ярославича и сказал:

- Бери и ступай. А я тут теперь помру. Передай в посад через вашего поводыря городецкого, чтобы за моим телом через два дня приехали. Я помру к этому времени.

- Почему, старче?

Старец строго глянул на князя Василия Ярославича как на неразумного отрока.

– Помереть я должен был в один день с преподобным Александром. Час мой пробил. Да Господь не дал и велел мне в часовне остаться с иконой до твоего прихода за ней. Ибо в иконе Феодоровской Божьей Матери есть сила великая! Ею освятят новый род правителей земли русской. Понял? Ступай и не забудь передать через гонца мой наказ. А то не отпоют, не захоронят. Душой покоя не обрету, буду тенью вокруг часовни блукать, людей пугать... Давай, ступай!

В дверях князь Василий Ярославич обернулся. Старец уже лежал на лавке с закрытыми глазами и сложенными руками на груди. Лицо его было спокойным и светлым.

Князь Василий Ярославич снял с луки седла кожаную переметную сумку. Бережно уложил в нее икону. Гонцу передал наказ старца и тот ускакал в Городец. Князь Василий

Ярославич и дружинники поскакали к реке. На берегу реки был причален струг. Их ждали. И сразу отплыли, когда погрузили на палубу струга лошадей.

Икону Феодоровской Божьей Матери князь Василий Ярославич не стал держать в переметной сумке. Он вынул ее и бережно установил на специальном месте на мачте. Струг медленно плыл по течению реки, и никто на нем не ведал, что везут в Кострому знак будущего, к которому русская земля придет через 350 лет в дни венчания на царство первого царя династии Романовых Михаила Федоровича после Смутного времени.

Словарь:

Струг грузов	плоскостное парусно-гребное судно 11-18 века для перевозки людей и грузов
Кормчик	кормчий (рулевой) на струге
Оснач	ведущий на струге парусами и веслами
Куяк	доспех ратников, рубаха без рукавов с нашитыми кожей и пластинами копыт
Корзно	плащ
Бармица	кольчужная сетка на плечах, груди и спине воина, крепившаяся на шлеме
Путлица	часть седла, ремень, на котором подвешено стремя